

ТРАНСФОРМАЦИЯ АВТОРСКОГО СОЗНАНИЯ В XX ВЕКЕ: СОВЕТСКИЙ ХУДОЖНИК

Т. А. Круглова

Уральский госуниверситет

Проблема авторского самосознания всегда была одной из самых актуальных в русской художественной культуре. Она включала в себя широкий круг тем: место художника в обществе, его эстетическая ответственность, взаимоотношения с героями и адресатами своих произведений. Недаром самая значительная философско-эстетическая работа в XX веке на русском языке посвящена проблеме Автора (*М. М. Бахтин. Эстетика словесного творчества*). Духовной средой деятельности художника XX века оказывается инаколичностная, другая, ментальность, не отождествимая с авторской¹. М. Гаспаров утверждает, что главное у Бахтина – родоначальника коммуникативной неклассической эстетики в России – «бунт самоутверждающегося читателя против навязанных ему пиететов»². Социокультурным источником появления идей Бахтина была культурная революция 20-х годов, результатом которой стало выдвижение на историческую арену нового типа потребителя искусства – человека из массы, маргинализированного адресата. Установка на адресата в искусстве и культуре XX века имеет общим основанием доверие к эмпирическому, а не идеальному реципиенту, опора на него. Трезвое признание невозможности игнорировать этот свершившийся факт должно было породить принципиальные изменения авторского самосознания в России.

Если искусство русской классики (романтизм – реализм – символизм) исходило из первичности Автора, главенства его конститутивной роли в художественной деятельности и вторичности восприятия, следующего за волей автора по правилам, закодированным в тексте с помощью художественной условности, то искусство советской эпохи, прежде всего соцреализм, переворачивает эти отношения. Новый адресат, совершенно незнакомый с художественной традицией русской классики и модернизма (следствие раскола XVII века и петровской модернизации), создает особую интерпретационную ситуацию: процесс рецепции теперь идет в актуальном русле. Восприятие искусства теперь зависит не столько от эстетического опыта читателя, сколько от актуальной социальной ситуации, моделируемой властью

и историей. Такой читатель в своем «сотворчестве» прежде всего разрушает эстетику текста, идеологически и житейски перекодируя его. Такой читатель вовсе не считает, что он как-то интерпретирует текст. Его позиция — наивно-реалистическая, он искренне убежден, что его оптика находится в полном соответствии с авторской, а разногласия лежат только в сферах житейской и идеологической. Монологизм читателя проявляется в том, что он не хочет читать «авторский текст», поскольку весь увлечен чтением собственного, рожденного от соприкосновения с его жизненным миром. Меньше всего читатель был склонен выступать в роли просителя необходимой ему художественной продукции. Напротив, он чувствовал себя в литературе уверенно — как хозяин, которому «принадлежит искусство», он ни в коем случае не воспринимает произведение искусства как автономный художественный мир, а автора — как полноценного творца.

Эта культурная ситуация требует от художественной личности автора самозабвенного отторжения своей избыточной индивидуальности. Художественная деятельность мыслится как служение практически жизненной внеконвенциональности. Художники вовлечены в процесс создания новой жизни не как авторы художественных проектов, а в качестве ее «оформителей» и репрезентантов неких всеобщих творческих коллективных сил. И. Смирнов предлагает психоаналитическую метафору для описания нового типа автора в соцреализме³. Главная его характеристика в том, что он добывает свою идентичность путем отрицания ее, то есть видит в субъективном негативную величину. Психологический механизм такого авторства — мазохизм, трактуемый И. Смирновым не в сексуальном, а культурогенном плане. Для автора-«мазохиста» существует насущная потребность во внешнем задании, заказе, ориентире, руководстве. Раз субъект отыскивает свой объект в процессе самоотрицания, то он должен все время ощущать свою недостаточность, ущербность, вину, испытывать постоянную потребность во все расширяющемся соавторстве. В советском искусстве это выражается в практике художественных советов, рекомендаций писателю со стороны самых разных инстанций, обсуждения его произведений на читательских конференциях, на страницах газет, вторжении в творческий процесс и корректировке его этапов (публикация частей романа в журнале по мере его написания, обсуждение театральных репетиций до выхода спектакля и т. д.).

Идеальный автор соцреализма – без признаков, творит не «из себя», поэтому здесь непопулярна романтическая мифология вдохновения и модернистская – интуиции, бессознательного порыва, а важна сознательность, волевое усилие, рациональный расчет, учеба у классиков, энтузиазм. Автор лишен бессознательных мотивов творчества, тем более подавленных. Такая характеристика, как простодушие, – наиболее удобное качество для соцреалистического и – шире – советского художника. В художественном имидже этого авторского типа нет тайны и обаяния непредсказуемости.

Если мазохист находит себя в объекте, подлежащем устранению, то, теряя себя, автор соцреализма утрачивает и способность к авторефлексии и художественной рефлексии. Таким образом, он не может быть «формалистом», то есть художником, вычленяющим форму и язык в самостоятельную творческую проблему. Некритическое отношение к творческому процессу связано и с таким же отношением к чужому художественному опыту. Автор-«мазохист» тяготеет к эклектике и компиляции, нерелексируемой цитатности, общим местам. Процессы интериоризации чужого опыта через интерпретацию его затруднены.

Вписанность в социальный контекст важнее, чем мнение собственной профессиональной художественной среды. Вопрос «как творить?» в советском искусстве переформулируется в другой: «как быть художником?» Огромное значение приобретают различные формы участия в общественной жизни и публичность. Нельзя быть просто художником, главное – быть советским художником. Предикат «советский» как раз и указывает на ту социальную роль, которая в советском искусстве становится не продолжением художественного творчества, а его источником и целью.

¹ См.: *Тюпа В. И.* Постсимволизм: Теоретические очерки русской поэзии XX века. Самара, 1998.

² *Гаспаров М. Л.* Поэтика «серебряного века» // Русская поэзия «серебряного века», 1890–1917: Антология. М., 1993. С. 42.

³ См.: *Смирнов И. П.* Психодиахронология: психоистория русской литературы от романтизма до наших дней. М., 1994.